

Одно наставление Сяньцзюня, один взмах его меча — бесценное сокровище для любого в мире культивации. Но это сокровище принадлежало ему одному. На его лбу до сих пор сияла Ледяная Жемчужина, сотканная из самой духовной силы Сяньцзюня, которая улучшала его врождённые способности. Его техника культивации была лично выбрана и принесена Сяньцзюнем. Введение ци в его тело произошло под руководством и защитой Сяньцзюня. Его Зелёная Горная Лоза была получена благодаря Сяньцзюню. Каждый шаг его практики был направлен Сяньцзюнем.

Каждый день Сяньцзюнь уделял время, чтобы тренироваться с ним, снова и снова демонстрируя приёмы с мечом. Разве это не привилегия, о которой мечтают все в мире культивации?

Как же ему повезло, что он смог встретить Сяньцзюня! Те люди были правы — ему действительно улыбнулась удача. Но за всё это Сяньцзюнь не требовал никакой платы. И даже если бы он хотел отплатить, у него не было ничего, что могло бы сравниться с полученным. Конечно, дело было не в его... "навыках".

Он был уже не молод и, хотя не был женат, в житейских вопросах не был наивен. Хотя бы потому, что, бывая в городе, слышал, как торговки бранились, и понимал смысл их слов... кхм.

То, что говорили те люди о его "навыках", он сначала не понял, но потом немного разобрался. Вероятно, все думали, что Сяньцзюнь так хорошо к нему относится, потому что... они были даосскими партнёрами или скоро ими станут.

Но он знал, что это не так. Он не был никем для Сяньцзюня, но уж точно не был его партнёром. Даже назваться другом было уже слишком лестно для него. Те люди были правы, он был просто обычным деревенщиной, как он мог быть достоин Сяньцзюня?

Но ведь когда-нибудь у Сяньцзюня действительно появится даосский партнёр.

Все считали Сяньцзюня отстранённым и холодным. Но Ван Дачжуан знал, каким тот был на самом деле. Настолько добрым, что никто и представить не мог. Но однажды эта доброта будет замечена другими, и тогда у Сяньцзюня появится даосский партнёр.

Перед его мысленным взором возник образ феи Сяюэ. Если уж кто и мог сравниться с Сяньцзюнем, то только такая несравненная красавица, как она.

Когда он пришёл на пик Цинъюй и старался продвигаться в культивации, он просто хотел, чтобы Сяньцзюнь не был одинок. Хотел оставаться рядом с ним как можно дольше.

Но если в будущем у Сяньцзюня появится партнёр, он больше не будет одинок, и ему не нужно будет его общество. Куда же он тогда пойдёт?

Ван Дачжуан тихо вздохнул и посмотрел на Сяньцзюня, сидящего рядом. Он совсем не хотел, чтобы у того был партнёр. Не слишком ли это эгоистично с его стороны? Он говорил себе, что так думать плохо, но это было то, что поднималось из глубины его сердца. Он не мог подавить это и не мог отрицать.

Юй Чанцин некоторое время молча наблюдал, как Ван Дачжуан то качает головой, то вздыхает и, наконец, не выдержав, спросил:

— О чём ты думаешь?

Ван Дачжуан наклонил голову и посмотрел на Юй Чанцина. Он хотел спросить, будет ли Сяньцзюнь искать даосского партнёра в будущем, но почувствовал, что это был глупый вопрос, и в конце концов не спросил.

Юй Чанцин был озадачен и снова задал вопрос:

— Что случилось?

Ван Дачжуан покачал головой и ответил:

— Ничего.

Возможно, Сяньцзюнь пока не задумывался об этом. Но имеет ли это значение? В конце концов, их прежние мечты о том, чтобы всегда быть рядом друг с другом, были лишь иллюзией. Когда-нибудь Сяньцзюнь всё равно уйдёт вперёд, а он — останется позади.

Видя, что настроение Ван Дачжуана не улучшается, Юй Чанцин на мгновение задумался, затем извлёк из рукава хрустальный фрукт и протянул ему.

— Съешь.

Это была та мягкость, которую Сяньцзюнь проявлял только к нему. Тёплая волна прокатилась по сердцу Ван Дачжуана. Он взял фрукт и откусил кусочек. Сладкий сок растёкся во рту, и его тревожные мысли немного рассеялись.

Ладно, будущее покажет. В конце концов, в мире культивации время течёт иначе. Он не обладал таким непоколебимым духом, как другие. Не стремился к бессмертию, не был фанатично предан культивации. Кто знает, как далеко он вообще сможет продвинуться? Возможно, к тому времени, когда Сяньцзюнь действительно найдёт пару, его самого уже и в живых не будет?

Его сестра, когда была жива, говорила ему, что в жизни нужно радоваться каждому прожитому

дню и не беспокоиться заранее о возможных будущих страданиях, иначе это будет самоистязание.

Думая об этом, он отложил свои заботы и сосредоточился на хрустальном фрукте.

Хрустальные фрукты были сладкими и сочными, и Ван Дачжуан неизменно пачкал руки, поедая их. Юй Чанцин достал из рукава платок и вытер сок, стекающий по запястью Ван Дачжуана.

Ван Дачжуан взял платок и вытер свои ладони, хихикая:

— Сяньцзюнь, разве ты не говорил, что не носишь с собой платков?

Юй Чанцин посмотрел на него с укором и сказал:

— Если кто-то ест фрукты, как трёхлетний ребёнок, пачкая всё вокруг, то мне лучше быть готовым. Иначе ты опять начнёшь вытирать руки об мою одежду.

Лицо Ван Дачжуана вспыхнуло.

— Я же не нарочно... — смущённо пробормотал он.

Юй Чанцин снова посмотрел на него, слегка кашлянул и сказал:

— Не страшно, если вытрешь.

— А снаружи люди ещё говорят, что у тебя плохой характер. На самом деле, они все ошибаются — ты самый мягкий человек на свете, — снова рассмеялся Ван Дачжуан.

Юй Чанцин закатил глаза, легонько фыркнул и сказал:

— Ты это знаешь, и хорошо.

Видя, что Ван Дачжуан снова улыбается, его настроение тоже улучшилось. Он слегка улыбнулся и сказал:

— В первый раз, когда я тебя увидел, хоть ты и был болтлив, но выглядел довольно серьёзным. Жил один, и порядок у тебя был идеальный. А теперь что? Ты словно снова стал ребёнком — один фрукт, и ты уже сияешь от счастья.

Ван Дачжуан даже не обратил внимания на то, что он сказал, только с восхищением произнёс:

— Сяньцзюнь, ты так красиво улыбаешься!

Юй Чанцин ничего не ответил. Лишь через некоторое время тихо произнёс:

— Если однажды моё лицо будет изуродовано, ты, конечно, шарахнёшься и станешь избегать меня, как чумы. Тогда мне действительно придётся заковать тебя в цепи и держать в своей пещере.

Ван Дачжуан широко раскрыл глаза.

— Что за чушь ты несёшь? Кто вообще сам на себя так наговаривает? Быстро скажи «тьфу-тьфу-тьфу»!

Юй Чанцин отвернулся.

— Хмф.

Ван Дачжуан протянул руку и повернул его лицо обратно.

— Быстро скажи «тьфу»!

Юй Чанцин отдернул его руку, но Ван Дачжуан не отставал, снова притягивая его к себе.

— Ну скажи же «тьфу»!

Юй Чанцин несколько раз пытался вырваться, но всякий раз Ван Дачжуан возвращал его лицо обратно. В конце концов, замученный этим, он с величайшим отвращением всё же процедил:

— Тьфу.

И злобно уставился на Ван Дачжуана.

Тот, наконец, отступил, сел обратно на свой стул и начал поучать:

— Нельзя так болтать, понимаешь? Надо следить за словами. Нехорошо это, к несчастью.

Юй Чанцин продолжал сверлить его взглядом.

— И что с тобой теперь? — спросил Ван Дачжуан.

Голос Юй Чанцина стал ледяным:

— У тебя сок на руках. Ты измазал мне всё лицо.

Ван Дачжуан застыл, а затем поспешно схватил платок и начал вытирать его лицо. Но, вытирая, вдруг посмотрел на надувшегося от гнева Сяньцзюня и не выдержал — расхохотался так, что согнулся пополам.

Юй Чанцин, глядя на него исподлобья с всё ещё липким от сока лицом, дождался, когда его смех поутихнет, а затем процедил:

— Завтра я выброшу все хрустальные фрукты из своего хранилища.

<http://bllate.org/book/12569/1117969>